

За городом.

Пронизывающий ветер поздней осени резал кожу, словно острый нож. Солдаты, несколько дней подряд отбивавшие ночные вылазки, теперь оказались зажаты в тиски двумя армиями инородцев, отчего напряжение в лагере росло с каждой минутой.

— Ладно еще племя Туна, но чтобы дилинцы посмели убить нашего посланника?! Это уже переходит все границы!

Все присутствующие в шатре сидели с мрачными лицами; в повисшей тишине пылал неукротимый гнев.

Не убивать послов во время войны — таковы были правила и этикет Великой Чжоу, но этим варварам, очевидно, подобные законы были неведомы.

— Генерал Шэнь! Нападение с юго-запада! Племя Туна ударило первым!

— Первая волна атаки тунасцев всегда самая свирепая, не вступайте с ними в открытый бой. Чэнь Шо, уведи их за собой, а другой отряд отправь на защиту городских ворот. Не дайте им втянуть вас в стычку, — хладнокровно скомандовал Шэнь Юньцзин и повернулся к стоящему рядом солдату. — Когда прибудет подкрепление?

Сверху ему запретили задействовать другие войска, но для победы имеющихся сил было катастрофически мало, поэтому ему оставалось лишь тайно запросить помощь. Если они проиграют битву, он вполне закономерно лишится головы.

— Отвечаю генералу: гарнизоны из городов Ми и Цзы уже в пути, они прибудут самое раннее через два дня.

У всех немного отлегло от сердца. Мятежники и две армии варваров вот-вот пойдут в наступление, но стоит продержаться всего два дня — и придет подмога.

Эти два дня требовали непрерывного присутствия командиров на передовой, но в то же время именно на них выпадал день казни Шэнь Юйхэна.

Лицо Шэнь Юньцзина слегка потемнело. Остальные генералы тоже знали об этом. Они молча смотрели ему в спину, опасаясь, что в такой критический момент Шэнь Юньцзин совершит какую-нибудь безрассудную ошибку. Однако он больше ни словом не обмолвился об этом деле. Он лично отправился на передовую руководить сражением и пробыл там целых двое суток.

Два дня непрерывных боев вымотали солдат до предела; хотя в провизии недостатка не было, боевой дух заметно упал. Даже прошедшие сотни битв полководцы начали сдавать позиции.

На вторую ночь все с нетерпением ждали наступления темноты, чтобы вернуться в лагерь, поесть и отдохнуть, но мятежники не оставили им ни единого шанса. Едва сгустились сумерки, как на холмах в тылу внезапно вспыхнуло ослепительное зарево, окрасив половину ночного неба в багровые тона. Повстанцы бросили в бой все свои силы, атаковав гораздо раньше, чем ожидалось.

Вновь прозвучал рог. Несмотря на то, что тела воинов были истощены до предела, им пришлось снова схватить оружие и броситься на поле боя.

После целой ночи кровопролитной резни на горизонте медленно взошло солнце, осветив

изможденные лица. Тела солдат отяжелели так же, как и их сердца: непрерывные сражения днем и ночью вперемешку с проливными дождями изнуряли и подрывали всякую решимость.

В этот момент к ним на лошади спешно прискакал вестовой.

Кто-то взволнованно крикнул:

— Подкрепление прибыло?

Однако, увидев суровое и напряженное лицо гонца, они поняли, что надежды тщетны, и их сердца разом рухнули в пропасть.

Осадив коня, вестовой громко доложил:

— Генерал Шэнь, в городе беда! Отряд шпионов племени Дилин устроил засаду на рынке и внезапно устроил резню! Прикажете отправить войска на помощь?

Крик гонца слышали все вокруг, и в одно мгновение на него уставились сотни покрасневших от ярости глаз. Дети из племен Туна и Дилин с малолетства пили кровь и ели сырое мясо. Их воины один другого превосходили в жестокости и убивали, не моргнув глазом. И если такие изверги посмели устроить беспорядки прямо на улицах города, страшно представить, сколько мирных жителей погибнет.

Шэнь Юньцзин охватил не меньший гнев, но он быстро взял себя в руки. Он отвечал лишь за оборону за стенами города; внутренние дела не входили в его юрисдикцию. Превышение полномочий могло привести к роковым ошибкам и катастрофическим последствиям.

Но... если вернуться в город, возможно, у Шэнь Юйхэна еще останется шанс на спасение.

Однако неужели Сяо Девятый не предвидел этого? Он наверняка только и ждал, что Шэнь Юньцзин оступится в такой момент. У семьи Шэнь три сына; если убить двоих, что ближе всего к средоточию власти, род Шэнь фактически падет.

Внезапно генерал понял всю глубину осторожности и осмотрительности Шэнь Тинланя: стоило тем, кто стоял на вершине, лишь разжать окровавленные челюсти и выплюнуть песчинку, как эта крохотная песчинка раздавила бы их в лепешку.

Шэнь Юньцзин на мгновение замолчал, обдумывая ситуацию. Вдруг за его спиной раздался голос Юэ Линя:

— Мы с Фэном пойдем.

Сказав это, Юэ Линь похлопал генерала по плечу и увел за собой ошеломленного Юэ Фэна. Младший брат, так и не поняв, что к чему, поскакал за ним следом:

— Брат? Какая-то кучка бунтовщиков — и мы вдвоем пойдем их усмирять? Я вообще-то хочу воевать...

— И то правда. Хватит и меня одного.

— Тогда зачем...

Юэ Линь обернулся, окинул его долгим, многозначительным взглядом и тихо сказал:

— Возьми нескольких надежных людей и устрой беспорядки у Полуденных ворот. Только не калечьте никого. Поднимите шум, и чем громче — тем лучше.

Зрачки Юэ Фэна слегка расширились.

Во дворце.

Стражник торопливо подошел к Залу Духовного Развития, сдал свой меч и поспешно шагнул внутрь. Служанка, растиравшая тушь, подняла глаза на вошедшего; на ее лице мелькнуло сложное выражение.

Сейчас в огромном Зале Духовного Развития повсюду стояли суровые стражи и военные чины; даже служанок здесь осталось до смешного мало. Накануне вечером Сяо Цзинь разогнал всех евнухов, прислуживавших в этих покоях. Он и раньше недолюбливал этих оскопленных слуг, но если прежде их подобострастные улыбки вызывали у него лишь отвращение, то теперь он вдруг понял, что больше не намерен их терпеть.

Те самые евнухи, доставшиеся ему от Сяо Хуая, когда-то без конца заискивали перед Шэнь Юйхэном, готовы были головы друг другу разбить за право выполнить его поручение, а теперь словно начисто забыли о его существовании. Все молчали о нем, будто он уже был мертв.

Сяо Цзинь чувствовал невыносимое раздражение, хотя сам же и создал эту ситуацию.

В итоге вся императорская свита была заменена на тех, кому он мог безоговорочно доверять — проверенных теневых стражей и гвардейцев.

Войдя в зал, стражник опустился на колени:

— Ваше Высочество, дилинцы подняли бунт в городе, всё в точности, как вы и предвидели.

Сяо Цзинь даже не поднял головы. Стража это ничуть не удивило; отвесив поклон, он собрался было уйти. Но стоило ему повернуться, как Сяо Цзинь внезапно заговорил:

— Люди семьи Шэнь вернулись в город?

Стражник на секунду замялся, а затем ответил:

— Генерал Шэнь остался на передовой, а на подмогу в город отправил двух своих командиров — братьев Юэ.

Сяо Цзинь слегка нахмурился. Его пальцы нетерпеливо постучали по столу.

— Продолжайте следить за Юэ Линем. Если потребуется — убейте его.

— Слушаюсь.

И хотя подчиненные в толк не могли взять, почему Сяо Цзинь так опасается какого-то мелкого офицера, стражник не проронил ни слова. Служа Сяо Цзиню, одним из главных правил было держать язык за зубами. Иначе и девяти жизней не хватит.

Юэ Линь в это время был всего лишь армейским заместителем генерала. Хоть его имя и было на слуху в столице, а военных заслуг накопилось немало, ничего выдающегося за ним не

числилось, никаких громких подвигов. В прошлой жизни Сяо Цзинь в упор не замечал столь незначительную сошку. Кто бы мог подумать, что позже, когда его младший брат Юэ Фэн и Сяо Ци будут поочередно убиты, Юэ Линь поднимет восстание, возьмет под свое командование остатки мятежников и посвятит жизнь борьбе с Сяо Цзинем.

Юэ Линь всегда держался в тени и до этого никогда не командовал большими армиями, но воевал он на редкость искусно и без малейших колебаний. В прошлой жизни Шэнь Юньцзин потерял всякое желание сражаться, а другие полководцы Великой Чжоу не желали подчиняться Сяо Цзиню, из-за чего боевой дух войск был подорван. И хотя позже под страхом тирании Сяо Цзиня им пришлось выйти на поле боя, эти несколько лет проволочек обернулись для него неисчислимыми проблемами в будущем.

В этот раз он не даст Юэ Линю шанса расправить крылья. Лучше ударить первым. Юэ Линь должен умереть.

Стражник, осмелившись бросить взгляд на будущего императора, спросил:

— Как Ваше Высочество планирует поступить с генералом Шэнем? Прикажете действовать?

Сяо Цзинь погрузился в молчание.

Он давно хотел забрать военную власть у семьи Шэнь. От мысли, что такое могущество из поколения в поколение находится в руках одних и тех же людей, Сяо Цзинь не мог спать спокойно. В конце концов, он был не чета Сяо Хуаю. Его амбиции и жажда власти были безграничны; пока он жив, всё должно быть крепко зажато в его собственных руках.

Если и была другая причина... то, пожалуй, она заключалась в том, что его до тошноты раздражала улыбка, которой Шэнь Юйхэн одаривал Шэнь Юньцзина. В императорских семьях братья всегда грызлись и убивали друг друга, а эти двое смеют разыгрывать перед ним спектакль о безграничной братской любви? Да как они смеют?

Вот почему Сяо Цзинь пустил слух, дав Шэнь Юньцзину понять, что собирается казнить Шэнь Юйхэна. С одной стороны, это его бесило, а с другой — вызывало насмешку: Шэнь Юньцзин даже в город возвращаться не стал. Похоже, не так уж ему и дорог этот Шэнь Юйхэн.

Тем не менее Сяо Цзинь всё равно мог его убить. Власть над армией, которой тот располагал, он вознамерился получить во что бы то ни стало. Не выйдет в открытую — можно сыграть втемную. Он скоро взойдет на престол, и стоит ему только пожелать, как Шэнь Юньцзину придется умереть. Ему было плевать, что напишут о нем потомки. Лишь бы цель была достигнута, а если весь мир будет плевать ему в спину — да и пусть.

Власть, которую Сяо Хуай добровольно отдавал другим, он приберет к своим рукам, и сделает это даже быстрее и лучше, чем в прошлой жизни.

Сяо Цзинь усмехнулся своим мыслям, но улыбка вышла жутковатой; мышцы на его лице одеревенело дернулись пару раз и снова застыли ледяной маской.

Что почувствует Шэнь Юйхэн, узнав о смерти Шэнь Юньцзина?

Они были так близки, Шэнь Юйхэн, наверное, будет плакать. Сяо Цзинь вспомнил то выражение унижения и слезы на лице юноши, и его настроение внезапно испортилось. Тогда он думал, что, прокручивая эту сцену в голове в будущем, будет испытывать всё то же пьянящее возбуждение.

Казалось бы, он вот-вот завершит великое дело, не удавшееся в прошлой жизни, но чем больше Сяо Цзинь думал об этом, тем сильнее хмурился. Пока он размышлял, несколько старых министров стали докучать ему вопросами о престолонаследии, и он едва сдержался, чтобы не выхватить меч и не зарубить их на месте.

Воздух в покоях можно было резать ножом. Слушая их ругань и споры, Сяо Цзинь вдруг всё понял и, холодно усмехнувшись, пожаловал одному из стариков чашку чая. Старый сановник дрожащими руками принял пиалу и выпил. Вскоре фарфор со звоном разбился об пол. Глаза старика остекленели, лишившись всякого осмысленного света, и он, словно марионетка, поднялся на ноги.

Червей-гу не хватило бы, чтобы управлять целой армией, но для того чтобы подчинить парочку влиятельных министров, их было более чем достаточно. Никто не смел стоять у него на пути. И если Шэнь Юйхэн посмеет его расстроить, его ждет та же участь.

Он бросил взгляд в окно: уже рассвело, но из-за непрекращающегося дождя небо оставалось серым и хмурым. Сегодня в полдень должна состояться «казнь» Шэнь Юйхэна. Уголки губ Сяо Цзиня медленно поползли вверх, и он даже не заметил, что в этот раз его улыбка была абсолютно искренней.

За дверьми послышался встревоженный голос Чэн Сяо, просящего аудиенции. Едва переступив порог, он тут же рухнул на колени и доложил:

— Ваше Высочество, у Полуденных ворот бунт!

В Холодном дворце.

Непрерывные дожди и тесное, давящее пространство искажали само течение времени, делая его расплывчатым. Нож всё так же был спрятан у него под одеждой — юноша ни разу его не доставал. До этого Шэнь Юйхэн несколько раз прощупывал почву, пытаясь уговорить сторожившего его молодого евнуха открыть дверь, но все попытки провалились. Опасаясь вызвать подозрения, он на время затаился.

Шэнь Юйхэн понимал, что у него есть лишь один шанс. Единственный.

Дождь за окном всё лил и лил, укрывая небо и землю серой пеленой. Шэнь Юйхэн смотрел вверх. Хотя он не знал точного времени, но, прикинув по сменам караула, решил, что дело близится к полудню. Казни обычно проводились в полдень. Услышав, как маявшийся от скуки евнух вдруг начал напевать себе под нос, юноша понял, что и он не станет исключением.

Он очень долго ждал, съежившись под тонким одеялом, как вдруг услышал лязг цепей. Шэнь Юйхэн вздрогнул, мгновенно сбрасывая с себя остатки оцепенения.

Дверь отворилась. Когда его вытащили наружу, он к своему удивлению не увидел ни одного теневого стража.

— Проклятье, — выругался молодой евнух, с трудом волоча тяжелые кандалы. — Все до единого разбежались. Говорят, у Полуденных ворот какой-то бунт... И у кого только хватило наглости сотворить такое? За это же вырежут весь род до девятого колена.

Шэнь Юйхэну было не до его болтовни; он с почти лихорадочным блеском в глазах огляделся

по сторонам. На него еще не надели кандалы, он вполне мог сбежать! А прямо перед ним... стоял лишь один тщедушный евнух, в котором и пары фунтов мяса не наберется.

Заметив, что цепи тянутся к нему, Шэнь Юйхэн подавил рвущееся наружу волнение и отступил на шаг:

— Братец, можно мне сходить по нужде?

Евнух мгновенно насторожился и рывкнул:

— Нельзя!

— Братец, сделай милость, это моя последняя просьба перед смертью, — елеинным голосом принялся уговаривать его Шэнь Юйхэн. — Я слышал, перед отсечением головы приговоренные от страха ходят под себя... А я не хочу умирать в таком неприглядном виде...

Как ни странно, эти слова рассмешили слугу.

— Отсечение головы? Думаешь, легко отделаешься? За покушение на Священного Владыку даже разорвать пятью лошадьми — слишком мягкое наказание! Но Его Высочество милосерден, он приказал подвергнуть тебя казни «линчи» прямо здесь, во дворце, чтобы ты окончательно не опозорил семью Шэнь перед народом!

Услышав о «смерти от тысячи порезов», Шэнь Юйхэн побледнел как полотно.

Ну почему он такой невезучий? Он из кожи вон лез, чтобы искупить вину и спасти Сяо Цзиня, чтобы избежать казни пятью лошадьми. И ведь несколько раз, глядя на одинокую спину юноши, в нем действительно вспыхивало искреннее желание помочь ему, защитить его. А теперь всё замечательно: ему больше не нужно переживать, что при разрывании лошадьми его голова, руки и ноги разлетятся в разные стороны.

Слово «линчи» снова и снова взрывалось в мозгу Шэнь Юйхэна, и в одно мгновение его решимость стала тверже стали.

Он заговорил мягко и вкрадчиво:

— Братец, это мое единственное желание. Если поможешь, я напишу тебе расписку. Пойдешь потом к моему отцу и брату за серебром, в накладе не останешься.

Возможно, из-за того, что Шэнь Юйхэн выглядел слишком хрупким и истощенным, выражение лица евнуха немного смягчилось.

— Правда? Ты тут никаких фокусов не удумал?

Задавая вопрос, он потянулся к кошельку на поясе, чтобы проверить, нет ли у него там клочка старой бумаги.

В то же мгновение Шэнь Юйхэн крепко сжал спрятанную в рукаве рукоять ножа. Вложив в этот выпад все свои силы, он бросился вперед и вонзил лезвие в плечо евнуха.

Тот пронзительно взвизгнул, запрокинув голову. Шэнь Юйхэн выдернул клинок и бросился наутек. Он совершенно не думал о последствиях, несясь как сумасшедший; в ушах свистел ледяной ветер. Вспоминая время, когда он только попал в этот мир, Шэнь Юйхэн слегка презирал это тело за слабость — казалось, дунет ветер, и оно развалится. Кто бы мог подумать,

что перед лицом смерти в этом хлипком теле пробудится такая неистовая сила.

Следуя маршруту, продиктованному лекарем Сюем, Шэнь Юйхэн быстро добрался до нужных дворцовых ворот. Как раз в этот момент створка приоткрылась, и раздался приглушенный крик Чжоу Юаня:

— Супруг Шэнь! Сюда!

Вне себя от радости, Шэнь Юйхэн вбежал в проем, его сердце колотилось как сумасшедшее.

Он почти сбежал!

<http://bllate.org/book/17965/1736085>